

442144

Дорогому
Книжальнику Милославскому
Милостивому
отъ авиан. Д

~~27768~~

М. М. Ковалевскій, какъ историкъ права. 442144

Вся научная дѣятельность М. М. Ковалевскаго сводится къ исторіи права: ей принадлежать всѣ его спеціальныя изслѣдованія, на ней же основываются и его общія государственно-правовыя воззрѣнія. Такая исключительная преданность исторіи права и самый характеръ историко-юридическихъ изысканій М. М. всецѣло объясняются и опредѣляются его строгой приверженностью къ позитивной философіи и создаваемой на ея началахъ социологіи.

Историческая концепція права установилась въ юриспруденціи, какъ извѣстно, до позитивизма. Раціонализмъ школы естественнаго права смѣнился не эмпиризмомъ позитивной философіи, а своеобразной методологіей исторической школы, въ которой наблюденіе сочеталось съ пережитками прежняго аксіоматическаго апріоризма. Удержаніе этихъ пережитковъ вызывалось въ значительной мѣрѣ руководящей ролью, какая принадлежить въ правовѣдѣніи догматикѣ, неизмѣнно тяготящей къ формальному мышленію и оперирующей преимущественно помощью дедукціи. Для устраненія профессиональной узости и искорененія подерживавшихся ею переживаній „антиисторизма“ нуженъ былъ юристъ чистой крови, который превзошелъ бы всю догматическую премудрость, вскрылъ бы убожество „юриспруденціи понятій“ и затѣмъ вывелъ бы правовѣдѣніе на болѣе широкую арену социальнаго изученія права. Такимъ реформаторомъ оказался Іерингъ, впитавшій въ себя разлитую въ научной атмосферѣ эмпирическую и социологическую точку зрѣнія и обновившій при помощи ея правовѣдѣніе. Заслуга Іеринга въ дѣлѣ освобожденія юриспру-

Истор. Учен. Учен., 1916г., 75.

денціи отъ старыхъ и стѣснительныхъ оковъ была столь велика, что нерѣдко забывали объ источникѣ, откуда онъ воспринялъ свою идеологию и методологию, и провозглашали его самого непосредственнымъ родоначальникомъ научнаго позитивизма въ правовѣдѣніи. Не удивительно, что тамъ думали въ Германіи, въ которой не только юристы, но даже историки до самаго послѣдняго времени не учитывали вліянія О. Конта на развитіе науки ¹⁾. Удивительно то, что подобной иллюзіи подверглись даже французскіе юристы: застрявъ въ догматическихъ конструкціяхъ, они не разслышали призыва своего великаго соотечественника къ новому знанію (*quid hoc ad codicem civilem?*) и готовы были затѣмъ признать Іеринга самостоятельнымъ реформаторомъ.

Подъ флагомъ іерингианства укоренился научный позитивизмъ и въ русскомъ правовѣдѣніи. Первымъ и весьма вліятельнымъ піонеромъ позитивизма въ Іеринговой концепціи былъ С. А. Муромцевъ. Одновременно однако съ пропагандой іерингианства Муромцевымъ и даже раньше ея проявилось въ русскомъ правовѣдѣніи позитивное теченіе, вылившееся подъ вліяніемъ непосредственнаго усвоенія философіи О. Конта и ея англійскихъ толкователей. Первыми представителями этого теченія были В. И. Сергѣевичъ и М. М. Ковалевскій. Идеиное родство названныхъ ученыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Недаромъ въ своемъ методологическомъ этюдѣ по исторіи права („Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и приемы изученія права“, 1880 г.) М. М. Ковалевскій отправляется отъ сочувственнаго разбора аналогичнаго этюда („Право и государство въ исторіи“) В. И. Сергѣевича. Не случайнымъ, а внутренне послѣдовательнымъ и потому вполне понятнымъ представляется намъ и то обстоятельство, что надъ могилой В. И. Сергѣевича слово о научныхъ заслугахъ покойнаго сказано было именно М. М. Ковалевскимъ, абсолютно далекимъ и даже чуждымъ покойному во внѣшней жизни.

¹⁾ Насколько мы могли прослѣдить, только E. Fucster прямо и открыто говорить о вліяніи позитивной философіи О. Конта на развитіе исторической науки вообще и въ Германіи въ частности. См. E. Fucster, *Geschichte der neueren Historiographie*, 1911, V—VI Bücher.

Воспринявъ позитивное и социологическое воззрѣніе на право непосредственно изъ французскаго первоисточника, М. М. Ковалевскій совершенно не интересовался вопросомъ о томъ, какими путями дошла до того же воззрѣнія мысль нѣмецкихъ юристовъ. На историческую школу онъ смотрѣлъ не какъ на предвареніе позитивной эволюціонной точки зрѣнія, а какъ на своеобразное продолженіе статическихъ построеній школы естественнаго права, въ которомъ самоопредѣленіе индивида въ качествѣ отправной для дедуцированія посылки смѣнилось народнымъ правосознаніемъ (см. „Соціологія“, 1910 г., т. I, с. 63). Строго слѣдуя О. Конту, М. М. Ковалевскій признавалъ прямымъ предшественникомъ позитивизма въ правовѣдѣніи не Савиньи, а Монтеסקье, которому и удѣлялъ весьма много вниманія въ цѣломъ рядѣ своихъ трудовъ, и основное произведеніе котораго „О духѣ законовъ“ подвергъ самостоятельному и въ высшей степени тщательному изслѣдованію. Іеринга М. М. Ковалевскій величалъ „глубокимъ мыслителемъ“, но свободно обходился безъ него и считалъ необходимымъ посвящать изобрѣтенный Іерингомъ „довольно неопредѣленный терминъ внѣшняго по отношенію къ праву міра“ (*juristische Aussenwelt*) помощью социологическихъ положеній, установленныхъ независимо отъ Іеринга и помимо него (см. „Соціологія“, I, 66).

Хотя іерингианство было ничѣмъ инымъ, какъ проведеніемъ въ дотолѣ замкнутую и предрасположенную къ рационализму область юриспруденціи началъ позитивной методологии и социальнаго воззрѣнія на право, тѣмъ не менѣе не безразличнымъ по послѣдствіямъ оказывалось то обстоятельство, вносились ли эти начала въ правовѣдѣніе непосредственно изъ французскихъ и англійскихъ позитивистовъ или чрезъ посредство нѣмецкой школы. Въ послѣдней были сильны старыя догматическія и формально-логическія традиціи, которыя невольно давали себя знать и подъ знаменемъ обновленной науки права. Эта живучесть научной старины приводила къ смѣшенію въ правовѣдѣніи научнаго позитивизма съ догматическимъ, вслѣдствіе чего не только юридическія явленія, но даже и теоретическое ихъ объясненіе сводились къ даннымъ положительнаго, или, точнѣе, официальнаго, по выраженію Л. І. Петражицкаго, права. Разительный примѣръ указаннаго смѣшенія даетъ намъ

Н. М. Коркуновъ, у котораго наряду съ соціально-психологической теоріей общества и государства, встрѣчаемъ ученіе объ источникахъ права, построенное исключительно на основаніи признаваемой современными судами европейскаго материка юридической догмы. Указанное же смѣшеніе сдѣлало возможнымъ водвореніе формально-юридическаго направленія въ государствовѣдѣніи. Представители этого направленія, всецѣло уйдя отъ реальныхъ явленій государственной жизни въ формально-логическія конструкции, могли *bona fide* считать себя позитивистами только потому, что смѣшивали научный позитивизмъ съ догматикой позитивнаго права. Къ формально-юридическому направленію въ государствовѣдѣніи примкнулъ и іерингианецъ Н. М. Коркуновъ, не смотря на то, что его острая мысль прозрѣвала болѣе широкіе горизонты, и нѣкоторыя стороны его ученія о государствѣ предваряли новѣйшія солидаристическія теоріи Дюги и Ориу, какъ это проникательно замѣтилъ и недавно отмѣтилъ въ спеціальной печати Е. В. Спекторскій (см. Юридическій Вѣстникъ, 1916, кн. XIII, стр. 24—25).

Непосредственное усвоеніе идей О. Конта и его англійскихъ толкователей и послѣдователей выводило юриста изъ тѣснаго круга его спеціальности, освобождало его отъ профессиональной рутины и вѣковаго давленія догматическаго мышленія. Право переставало быть критеріемъ его сужденій и становилось просто однимъ изъ явленій общественной жизни, подлежащимъ эмпирическому изученію наряду и въ связи съ данными фольклора, экономики, исторіи религій. Юридическая догматика опредѣлялась при этомъ какъ дисциплина техническая, прикладная, и не могло быть рѣчи ни объ ограниченіи ея матеріаломъ круга научныхъ наблюденій, ни о смѣшеніи ея конструкций съ научнымъ объясненіемъ явленій правовой жизни, среди которыхъ самая догма была не болѣе какъ фактомъ, хотя и особаго порядка. Само собою понятно, что при такомъ воззрѣніи никакое формально-юридическое направленіе не могло претендовать не только на монополію, но и на простое званіе подлинной научности. Въ такой именно атмосферѣ научнаго позитивизма сложились воззрѣнія М. М. Ковалевскаго на право и государство и выработались задачи и приемы изслѣдованія.

Въ соотвѣтствіи съ основнымъ положеніемъ О. Конта о преобладаніи динамическаго момента въ соціологій, согласно которому даже статическіе законы общественной жизни познаются наилучшимъ образомъ въ движеніи, М. М. Ковалевскій сосредоточилъ все свое научное вниманіе на исторіи права. Задача, которая ставилась при этомъ историческому изученію права, опредѣлялась не съ точки зрѣнія профессиональныхъ интересовъ юриспруденціи, а съ точки зрѣнія болѣе широкихъ запросовъ науки о порядкѣ и прогрессѣ человеческихъ обществъ. Поэтому М. М. Ковалевскій не пошелъ ни по стопамъ хорошо ему знакомой англійской „конституціонной исторіи“, отыскивающей нормативные для публично-правовыхъ отношеній прецеденты и замѣняющей такимъ образомъ догму отсутствующей конституціонной хартіи *), ни по пути исторіи права чуждой ему нѣмецкой школы, которая все же видитъ въ исторіи преимущественно средство для лучшаго толкованія дѣйствующаго законодательства. Онъ слѣдовалъ образцамъ, даннымъ сравнительными языковѣдами, фольклористами, изслѣдователями первобытной культуры, историками религій и учреждений, экономистами новой школы, и смотрѣлъ на историческое изученіе права какъ на заготовленіе матеріала для построенія абстрактной науки объ обществѣ, т. е. соціологій.

Позитивная философія снабдила М. М. Ковалевскаго двумя регулятивными для его историко-юридическихъ изслѣдованій положеніями, именно—принципомъ *consensus'a* общественныхъ явленій и сравнительнымъ методомъ ихъ изученія.

Глубоко проникнутый принципомъ *consensus'a*, М. М. Ковалевскій не взиралъ на право и государство, какъ на нѣчто самодовлѣющее, но неизмѣнно изучалъ ихъ въ связи съ общимъ соціальнымъ контекстомъ, въ которомъ учитывалъ всѣ доступныя изслѣдованію явленія общественной

*) Позволимъ себѣ кстати напомнить, что подобное значеніе исторіи, вызванное „историческимъ“, или, какъ говорили французы, „традиционнымъ“ характеромъ государственнаго строя, свойственно было наукамъ государственнаго права при старомъ порядкѣ и въ Германіи, и во Франціи. См. мои работы: „Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи“, Варшава, 1904 г., стр. 192—219; „Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ“, Юрьевъ, 1911 г., глава VIII.

жизни. Трудно сказать, какому виду послѣднихъ онъ придавалъ значеніе основного фактора развитія. Несомнѣнно, онъ отводилъ весьма видное мѣсто экономическимъ факторамъ и даже специально изслѣдовалъ экономическій ростъ Европы, при чемъ объяснялъ послѣднимъ развитіе учреждений. Тѣмъ не менѣе столь же несомнѣнно, что онъ не раздѣлялъ догмата экономического матеріализма, согласно которому право и государство признаются только надстройкой надъ смѣняющимися формами производства, обмена и распредѣленія хозяйственныхъ благъ. Свободнымъ отъ узкаго доктринерства было и воззрѣніе М. М. Ковалевскаго на роль правовыхъ и политическихъ идей въ исторіи человѣческихъ обществъ. Само собою разумѣется, что онъ не признавалъ ихъ первопричиной и не усматривалъ въ ихъ смѣнѣ самодовлѣющей логической закономерности, но изучалъ и объяснялъ ихъ въ связи съ соціальной обстановкой, въ которой онѣ возникали. Тѣмъ не менѣе взаимоотношеніе политическихъ теорій и учреждений онъ разумѣлъ какъ взаимодѣйствіе, а отнюдь не какъ одностороннее опредѣленіе первыхъ вторыми. Можно сказать, что М. М. Ковалевскій не забывалъ завѣтовъ О. Конта о значеніи „состояній ума“.

Сравнительный методъ наблюденія общественныхъ явленій, научно поставленный О. Контомъ, М. М. Ковалевскій строго отличалъ отъ того „сопоставительнаго“ метода интуитивной политической мудрости, которымъ оперировалъ Монтескье. Сообразно этому онъ проповѣдывалъ и примѣнялъ не просто сравнительный, а историко-сравнительный (см. назвыше эту же 1880 г.), или, какъ выражался позднѣе (см. „Соціологія“, I, 33), сравнительно-историческій методъ. Допускаемая двойное приложеніе сравнительнаго метода,—для цѣлей сравнительнаго правовѣдѣнія и въ видахъ разработки національной исторіи права,—и признавая двойную задачу сравнительно-историческаго изученія,—какъ для вскрытія сходства, такъ и для обнаруженія различій въ развитіи отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ,—М. М. Ковалевскій лично болѣе тяготѣлъ къ сравнительному правовѣдѣнію и выдвигалъ на первый планъ выясненіе моментовъ сходства. Установленіе и объясненіе различій представлялось ему задачей второй очереди, рѣшеніе которой возможно лишь

послѣ предварительнаго выявленія и уразумѣнія основныхъ моментовъ сходства въ развитіи человѣческихъ обществъ.

Всецѣло проникнутый эволюціонной точкой зрѣнія, М. М. Ковалевскій полагалъ въ исторіи права, опирающейся на соціологію, начало и конецъ всей научной теоріи права. Ученіе о возникновеніи права „на почвѣ солидарности человѣческихъ группъ, предшествующихъ по времени образованію государства“, онъ ставилъ на мѣсто „тѣхъ притязаній, какія въ разное время выставляли какъ школа естественнаго права, говорившая о прирожденномъ человѣку и неизмѣнномъ чувствѣ справедливости, такъ и историческая школа, выводившая право изъ обычая, а послѣдній непосредственно изъ народнаго юридическаго сознанія“ („Соціологія“, I, 63). По вопросу о критеріи для оцѣнки дѣйствующаго права и дальнѣйшаго правотворенія онъ ^{не} вѣрилъ „въ возможность оживленія нѣкогда надѣлавшей много шуму и оставившей слѣдъ въ законодательствѣ школы естественнаго права“ и рѣшительно отвергалъ всякую „нравственную метафизику“ („Соціологія“, I, 65, 68). Устанавливаемый помощью сравнительно-историческаго метода изученія общій ходъ развитія формъ человѣческаго общежитія является въ глазахъ М. М. Ковалевскаго нормальнымъ ходомъ этого развитія („Историко-сравнительный методъ“, 20—21). Вслѣдствіе этого оцѣночнаго сужденія о дѣйствующемъ правѣ и политика права основываются у М. М. Ковалевскаго исключительно на соціологическомъ діагнозѣ и прогнозѣ. Соціологическій діагнозъ заключается въ опредѣленіи „стадіи развитія“ права, подлежащаго оцѣночному сужденію, соціологическій прогнозъ—въ установленіи „общей формулы прогресса“, т. е. въ раскрытіи „законовъ, управляющихъ ростомъ человѣческой солидарности“ („Соціологія“, I, 68). Взглядъ свой на „общую формулу прогресса“ М. М. Ковалевскій резюмировалъ самъ слѣдующимъ образомъ: „Прогрессъ въ сферѣ политическаго уклада сказывается тѣмъ же торжествомъ свободнаго договора, что и въ сферѣ экономической. Ходъ развитія новой гражданственности, разумѣется, не остановился. Мы далеки еще отъ осуществленія того начала общественной солидарности, которое Платонъ вводилъ въ понятіе „дине“, или справедливости. Торжество ея предполагаетъ одинаковое измѣненіе въ общественномъ

и политическомъ укладѣ. Мы еще въ самомъ началѣ этой новой эволюціи. Соціологу надлежитъ только отмѣтить этотъ фактъ, не предрѣшая вопроса о томъ, какъ сложится подъ влияніемъ охватившаго всѣхъ сознанія экономическая и социальна-политическая структура общества будущаго“ („Соціология“, т. I, стр. IX).

Какъ прирожденнаго историка, М. М. Ковалевскаго занимали преимущественно проблемы генетическаго характера, т. е. вопросы о происхожденіи тѣхъ или другихъ сторонъ социальнаго, политическаго и правового уклада жизни. Особеннымъ тяготѣніемъ къ генетическомъ проблемамъ опредѣлялось направленіе и содержаніе историко-юридическихъ изслѣдованій М. М. Ковалевскаго и весь ходъ его научной работы.

Первыя изслѣдованія М. М. Ковалевскаго, посвященныя финансовому управленію Франціи при старомъ порядкѣ и административному строю средневѣковой Англіи,¹⁾ очевидно, вызваны интересомъ автора къ первоначальному генезису законности управленія, лежащей въ основѣ т. н. правового государства, теоретическая конструкція котораго особенно занимала ученыхъ государствовѣдцовъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. М. М. Ковалевскаго не удовлетворяло общепринятое выведеніе идеи законности управленія изъ абстрактной схемы раздѣленія властей и онъ занялся изслѣдованіемъ отдаленнаго происхожденія начала законности въ исторіи учреждений. Зарожденіе этого начала онъ вполне правильно усмотрѣлъ въ томъ своеобразномъ участіи суда въ управленіи и правотвореніи, которое сложилось въ условіяхъ феодальнаго строя среднихъ вѣковъ и сохранилось въ централизованномъ государствѣ новаго времени.

Примѣненіе такой генетической точки зрѣнія къ Англіи могло еще опираться на общепринятое мнѣніе объ „историческомъ“ характерѣ публично-правового строя этой страны.

¹⁾ „Опыты по юрисдикціи налоговъ во Франціи съ XIV вѣка до смерти Людовика XIV. Томъ I—Юрисдикція налоговъ въ провинціяхъ, удержавшихъ сословное представительство. Выпускъ I—Юрисдикція налоговъ въ Лангедокѣ“, Москва, 1876 г.—„Исторія полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Эдуарда III“. Прага, 1877 г.—„Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ и мировые судьи, какъ судебные разбиратели споровъ между предпринимателями и рабочими“ Лондонъ, 1877 г.

но распространеніе той же точки зрѣнія на Францію можетъ быть объяснено только особою вдумчивостью и извѣстной самостоятельностью замысловъ изслѣдователя. Общепринятымъ вѣдь было мнѣніе о томъ, что т. н. старый порядокъ (ancien régime) былъ, въ сущности говоря, государственнымъ „безпорядкомъ“ (l'ancien désordre politique, какъ говаривали въ національномъ собраніи), и никому не приходило въ голову отыскивать въ немъ отдаленные корни, новѣйшей законности. Говорили о преемственномъ наследіи стараго безпорядка въ созданномъ революціей новомъ государственнымъ строѣ, но о генетической связи правовыхъ гарантій послѣдняго съ исторіей старыхъ учреждений не было рѣчи. Правда еще Монтескье указывалъ, что кромѣ наблюдаемаго въ Англіи „раздѣленія властей“ имѣется въ „извѣстныхъ (ему) монархіяхъ“ особое „распредѣленіе властей“, сообразно которому правленія эти болѣе или менѣе приближаются къ политической свободѣ, и если бы они къ ней не приближались, то монархіи выродились бы въ деспотизмъ (О духѣ законовъ, кн. XI, гл. VII, абз. 2). На это указаніе не обращали однако вниманія, такъ какъ воспринимали изъ Духа законовъ не разносторонній эмпирической матеріалъ, а упрощенную рационализованную схему конституціоннаго раздѣленія властей. Чтобы учесть это указаніе и продумать его до конца (согласно желанію самого автора Духа законовъ, выраженному въ заключительной главѣ XI-ой книги) нужно было отнестись къ Монтескье не какъ къ политическому проповѣднику „вѣка просвѣщенія“, а какъ къ предшественнику позитивной науки о государствѣ. Таково именно было отношеніе М. М. Ковалевскаго. О значеніи сословной монархіи въ историческомъ процессѣ развитія политической свободы часто и много говорится во всѣхъ важнѣйшихъ трудахъ М. М. Ковалевскаго. О тѣхъ гарантіяхъ законности, которыя могли давать высшіе судьи Франціи при старомъ порядкѣ, упоминается даже въ синтетизирующемъ трактатѣ по соціологіи („Соціология“, I, 32—33).

Интересъ къ генетическому развитію индивидуалистическаго уклада частноправоваго оборота побудилъ М. М. Ковалевскаго заняться изученіемъ разложенія общиннаго землевладѣнія. Сюда относятся два его изслѣдованія: „Очеркъ

исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтѣ“ (Лондонъ, 1876 г.) и „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“. (Часть первая, Москва, 1879 г.)

Генетическіе запросы все болѣе углублялись, и во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ привели М. М. Ковалевскаго къ проблемѣ о первоначальномъ возникновеніи права и основныхъ институтовъ гражданственности. Занятія этой проблемой дали научной литературѣ изслѣдованіе о древнемъ обычаѣ и законѣ, разработку адатовъ кавказскихъ горцевъ и очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности.

Изысканія въ области первобытнаго права не заполнили однако всецѣло научнаго вниманія М. М. Ковалевскаго, и отъ нихъ онъ опять перешелъ къ изученію авангарда человѣчества, на которомъ сосредоточивалъ свои наблюденія О. Контъ.

Капитальные труды М. М. Ковалевскаго посвящены изслѣдованію генетическаго образованія экономическаго, общественнаго, государственнаго строя и социальнo-политической идеологии Западной Европы новѣйшаго времени. Таковы: „Происхожденіе современной демократіи“ въ пяти томахъ (1895 г. и слѣд.), „Экономическій ростъ Европы въ періодъ предшествующій развитію капитализма“ въ трехъ томахъ (1898—1903 гг.) и „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“ въ трехъ томахъ ¹⁾ (1904 г.).

Названные труды представляютъ собою крупный и высоко цѣнный вкладъ въ науку, одинаково важный и для юристовъ, и для историковъ. Юристы получили въ нихъ недостававшую реалистическую основу для объясненія и построенія теоріи и догмы конституціоннаго права. Историки цѣнятъ въ нихъ не только политико-правовую концепцію профессиональнаго юриста, но и самостоятельное изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ ихъ собственному вѣдѣнію. Такъ, новѣйшій и компетентнѣйшій историкъ экономической

¹⁾ Четвертый и заключительный томъ этого сочиненія былъ сожженъ въ Москвѣ при подавленіи вооруженнаго возстанія вмѣстѣ съ типографіей Сытина, гдѣ онъ печатался (см. „Соціология“, томъ I, стр. XI).

жизни Италіи, Е. В. Тарле, жалуясь на отсутствіе въ литературѣ хотя бы самыхъ общихъ, самыхъ главныхъ пунктовъ для своего изслѣдованія, заявляетъ: „Единственнымъ исключеніемъ является Венеція: объ ея экономическомъ состояніи въ періодъ, предшествующій Наполеону, говоритъ въ особой, въ высшей степени интересной главѣ М. М. Ковалевскій (въ 4 томѣ „Происхожденія современной демократіи“). Это—чрезвычайно содержательный и оригинальный этюдъ, съ которымъ всякій историкъ, говорящій о Венеціи, обязанъ считаться“.¹⁾

Не станемъ входить въ разсмотрѣніе самаго содержанія капитальныхъ трудовъ М. М. Ковалевскаго и не будемъ заниматься подробнымъ выясненіемъ того, что они дали по существу примѣнительно къ отдѣльнымъ, хотя бы и основнымъ, вопросамъ исторіи и теоріи права и государства. Остановившись на этомъ не будемъ, какъ не останавливались мы на цѣломъ рядѣ произведеній М. М., ограничившись только указаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Позволяемъ себѣ подобныя умолчанія и недомолвки потому, что въ настоящей статьѣ мы отнюдь не задаемся цѣлью дать подробный анализъ всего научно-литературнаго наслѣдія, оставленнаго М. М. Ковалевскимъ, и имѣемъ въ виду лишь характеризовать тотъ типъ ученаго изслѣдователя, который въ немъ воплотился. Это—типъ государствовѣда-позитивиста, который по размаху, талантливости и продуктивности творческой работы можетъ быть поставленъ на ряду съ соответственнымъ типомъ государствовѣда-идеалиста, даннымъ въ русской наукѣ въ лицѣ Б. Н. Чичерина. Параллельное изученіе Б. Н. Чичерина и М. М. Ковалевскаго раскрываетъ два главныхъ теченія въ русскомъ правовѣдѣніи и государствовѣдѣніи второй половины XIX столѣтія и можетъ доставить данныя для ихъ желательнаго синтеза.

Въ интересахъ полнаго выясненія научной физиономіи М. М. Ковалевскаго, какъ историка права, необходимо коснуться вопроса о техническихъ приѣмахъ его историческихъ работъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается крайне простой и въ высшей степени лестный. М. М. Ковалевскій ра-

¹⁾ Е. В. Тарле, Континентальная блокада. II: Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I, Юрьевъ, 1916 г., стр. 13.

боталь всегда по первоисточникамъ, какъ опубликованнымъ въ печати, такъ и хранящимся въ архивахъ. Недожинная начитанность его въ непосредственномъ историческомъ матеріалѣ и привлеченіе очень многого изъ матеріала архивнаго засвидѣтельствована такимъ выдающимся историкомъ и знатокомъ дѣла, какъ Н. И. Карѣевъ.¹⁾

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что въ научномъ формулярѣ М. М. Ковалевскаго значится и архивно-издательская дѣятельность. Назовемъ выпущенное имъ въ 1877 г. въ Лондонѣ „Собраніе неизданныхъ актовъ и документовъ, служащихъ къ характеристикѣ англійской полицейской администраціи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ“.

Среди источниковъ заслуживаетъ быть особо отмѣченной обильная литература публичнаго права, служившая матеріаломъ для исторіи политическихъ теорій, разработанной М. М. Ковалевскимъ въ сочиненіи: „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“. Несомнѣнно, что всѣ политическіе мыслители и писатели, излагаемые въ названномъ произведеніи, были изучены авторомъ непосредственно и весьма тщательно. М. М. Ковалевскій не ограничивался прочитываніемъ общезвѣстныхъ мѣстъ у старыхъ писателей, но изучалъ ихъ во всей совокупности, замѣчалъ и отмѣчалъ тѣ стороны ихъ теорій, которыя не учитывались въ традиціонной схемѣ исторіи политической мысли. Это качество исторической работы М. М. Ковалевскаго мы уже имѣли случай подчеркнуть на примѣрѣ его отношенія къ Монтескье. То же можно сказать и относительно изложенія М. М. Ковалевскимъ ряда другихъ писателей минувшихъ временъ.

Въ исторіи политическихъ ученій М. М. Ковалевскій отвелъ много мѣста старымъ англійскимъ юристамъ и политикамъ и этимъ значительно расширилъ кругъ знакомства нашихъ государствовѣдовъ съ исторіей, особенно начальной, публичноправовой мысли въ Англии.

Безъ должнаго вниманія относился М. М. Ковалевскій къ представителямъ естественнорправовыхъ теорій и не при-

¹⁾ См. Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій въ своихъ историческихъ работахъ, Право, 1916 г., № 13.

лагалъ къ нимъ углубленнаго изученія. Въ этомъ несомнѣнно сказалось прямое влияніе О. Конта, который огуломъ отнесъ всю школу естественнаго права къ метафизической стадіи и не разглядѣлъ въ ней попытки къ установленію законовъ человѣческаго общежитія по методу математическаго естествознанія.¹⁾

О. Тарановскій.

¹⁾ См. Е. В. Спекторскій, Соціальная физика, Варшава. 1910 г.